

ПОЛИТИКА И РЕЛИГИЯ POLITICS AND RELIGION

Серия «Политология. Религиоведение»
2011. № 2 (7). С. 243–254
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
*Иркутского
государственного
университета*

УДК 32:2

Панславизм и пантюркизм в свете евроинтеграции

М. В. Силантьева

*Московский государственный институт
международных отношений (Университет), г. Москва*

Статья посвящена анализу современной геополитической ситуации евроазиатского региона сквозь призму культурной и образовательной политики двух ведущих акторов – России и Турции. Стремление к клерикализации образовательного пространства в этих странах рассматривается как альтернатива секуляризации культуры в Западной Европе, призванная противостоять распаду традиционных нравственных ценностей.

Ключевые слова: панславизм, пантюркизм, евроинтеграция, религиозная составляющая образования, ценности, межкультурная коммуникация, славянство, культура и геополитика.

Традиционные устои морали классического новоевропейского периода, где секулярные ценности наследуют формат ценностей религиозных, подвергаются сегодня процессу стремительного распада.

Следствием этого процесса является модификация границ нравственно-допустимого, сужение объема понятия «девиация», иные дифференциации девиации. Все это сказывается не только на изменении нравственных оценок делового и бытового поведения, но также вызывает заметные трансформации правовых норм (в частности, в Европе) [14, с. 148–149, с. 146–155; 15, с. 192–201].

Славянские страны Европейского континента (равно как и «евразийские» Россия и Турция) оказались сегодня в орбите очередного цивилизационного трансцензуса, связанного с евроинтеграцией и, одновременно, с распадом «социалистических империй» (имеется в виду прежде всего распад СССР, Югославии, Чехословакии; перспективы расчленения РФ на «автономизированные» субъекты, готовые стать самостоятельными субъектами международного права – к примеру, Сибирь, Дальневосточный регион, Забайкалье и др.), – если понимать под империями макроинтегрированные группы национальных государств. Это не может не выразиться в очередном «непротом периоде» их политической истории.

С другой стороны, наблюдается определенная асимметрия новейшего ценностного смещения: «классическая» мораль, немислимая без нравственного абсолютизма, оказывается своеобразным «меньшинством» в круге по-

ликультурных нравственных нормативов. Успешно теснимая ими, она поднимает «градус» протестности в тех регионах, где разложение традиционной нравственности поддерживается прозападно ориентированными политтехнологами. Сам по себе процесс подобного противостояния носит скорее культуросозидающий характер, поскольку способствует выработке сбалансированного «кодекса» морали, адекватной запросам современного быстро меняющегося общества. Вместе с тем конфликтность этой сферы, например на Балканах, достаточно высока. Проблема состоит в том, что народы, населяющие этот регион, стремятся оставаться в системе традиционных ценностей морали, а с другой – уже попали в поле притяжения «свободного Запада» (не без помощи со стороны самого Запада).

Ценностные конфликты между указанными подходами – реальность наших дней, оказывающая деструктивное влияние на сознание людей и во многом способствующая разложению установившихся социальных связей. Положительные стороны активной инкультурации славянских народов в систему культуры ЕС могут оказаться полностью девальвированы за счет непродуманной политики в данном направлении.

Необходимо подчеркнуть, что геополитические трансцензусы на Балканах, как любая социальная дестабилизация, имеют массу негативных следствий. В их числе – не только недавние вооруженные конфликты, но и заметное снижение уровня социальной солидарности внутри самих этносов (что, наверное, поразило бы К. Н. Леонтьева, писавшего в книге «Византизм и славянство» о выдающейся «фамильности» у сербов) [11].

Вместе с тем в регионе наблюдается рост национального самосознания, тесно связанный с поляризацией по конфессиональному признаку. Политтехнологии, принятые в современной западной управленческой практике, обычно стремятся погасить конфликтность в нестабильных регионах за счет «размывания» политизированных религий – «изнутри», снижая их политическую ангажированность, и «снаружи», разбавляя замкнутое национально-культурное пространство нетрадиционными религиозными и парарелигиозными движениями. На самом деле, это сценарий евроинтеграции, максимально «сконцентрированный» во времени (50 лет за 500), который предлагается Западом для адаптации славянских народов к условиям новой конфигурации своего северо-западного соседа.

Иной путь, предлагаемый Турцией, – «переключение» сознания граждан новых национальных государств на общесоциумные культурные задачи, не требующие сведения религиозных параметров к общему знаменателю [7, с. 7–17], и вместе с тем сохраняющих за ними приоритеты по отношению к свободе совести личности. Образование способно выступить в качестве одного из искомых «культурных интеграторов». «Имперский» (интегративный) импульс данного сценария понятен. Как понятно и то, что образование в данном контексте выступает в качестве одной из технологий, обеспечивающих усвоение личностью определенной идентификационной программы.

Сами идентификационные программы, как известно, сегодня активно модифицируются [12, с. 261]. Причем фундаментальные *ценности*, заложен-

ные в образовании, перераспределяются по *нескольким структурным блокам*. В их число входят:

- **лингвистический** блок (причем место русского языка, традиционно скреплявшего славянское единство на Балканах, посредством турецкого фактора сегодня все увереннее занимает английский);

- блок **нравственных ценностей** (которые на Балканах имеют сегодня устойчивое тяготение к традиционализму, что позволяет «турецкому проекту» де-факто заявлять себя в качестве альтернативы активно насаждаемым со стороны ЕС тактикам «модернизации» ценностных ориентаций молодежи, – и это при том, что сама Турция вступила в полосу интенсивных ценностных мутаций);

- блок **ценностей религиозных** (под лозунгом толерантности Турция продвигает в данном проекте ценность религиозности как таковой, демонстрируя успешность и хорошую резистивность религиозно ориентированной личности тем деструктивным социально-психологическим давлениям, которые она испытывает при социальных транзитивах). Уважительное отношение самих «культурных турок» к христианству не отменяет тот факт, что для них самих ислам выступает высшей формой религиозности, – примерно так, как для панславистов высшей, зрелой формой религиозности выступает православие.

Турция, где в рамках гражданского общества энергично обсуждаются тенденции нравственно-ценностной модернизации, со всеми ее положительными и отрицательными следствиями, обладает реальным преимуществом в реализации своего интеграционного сценария. Нельзя, однако, забывать, что турецкое присутствие в южнославянском и восточнославянском регионе (как много веков назад присутствие Византии, как и совсем недавнее присутствие СССР) оставило после себя, мягко говоря, неоднозначную историческую память. В то же время взаимный демонтаж «образа врага» всегда несет в себе амбивалентный потенциал. С одной стороны, это позволяет культивировать ненасильственные формы межкультурного взаимодействия. С другой – открывает ворота культурной экспансии, за которой легко может последовать экспансия экономическая, политическая и военная. Уважение к тенденциям изоляционизма, свойственным некоторым членам содружества большой семьи славянских народов, демонстрируемое Турцией, – мощное оружие в реализации пантюркистского сценария, граница которого, по мнению специалистов, проходит сегодня отнюдь не на Балканах, а в Европе и Центральной Азии (в последнем случае противовес турецкому присутствию составляет Китай).

Представляет ли сегодня панславизм аналог пантюркизма в качестве сценария возможной геополитической альтернативы, с одной стороны, процессу евроинтеграции, а с другой – процессу дробления бывших империй на этноконфессиональные «минимумы»?

Понятно, что роль лидера объединительного процесса здесь может взять на себя, во-первых, идейно и идеологически сильный претендент (возможно, именно поэтому *пандвижения* имеют столь востребованную религиозную

окраску). Во-вторых, обязательным условием привлекательности является социально-экономическая мощь, выражаемая, как минимум, в последовательном наращивании экономического потенциала. Россия в этом смысле сегодня существенно проигрывает Турции, поскольку последней, при всей вопиющей бедности отдельных ее регионов и практическом отсутствии сколько-нибудь заметных собственных энергетических ресурсов, удалось за сравнительно короткий срок создать ситуацию устойчивого развития, выразившуюся в развитии сферы машиностроения, услуг и даже энергетики. «Локомотивом» этого процесса в свое время (30 лет назад – реформа образования там стартовала с 1981 г.) стало турецкое образование, сегодня поднимающееся в мировых рейтингах вузов если не на первые места, то, по крайней мере, места в первой десятке. В Стамбуле 20 университетов – и это в городе с населением в 2010 г. около 12 млн 700 тыс. человек. Для сравнения – в Москве (постоянное население примерно на 1 млн человек меньше стамбульского) согласно проекту «укрупнения» должен остаться один университет (всего по России – 50) [19].

Особый интерес в этом контексте представляет позиция Евросоюза. Поддержав натовские бомбардировки Сербии и отделение Косово, ЕС поставил себя в политически затруднительное, но геополитически абсолютно «защищенное» положение, которое можно свести к одной фразе: «разделяй и властвуй». «Зеленый коридор» (термин, принятый у сербских социологов для обозначения геополитического наступления Турции на Европу через Балканы) был бы невозможен без поддержки руководства Евросоюза, фактически отдавшего территорию Косово в руки международного криминала, поддерживающего наркотрафик в рамках фашистского по своей сути проекта «Великой Албании». При этом в списке памятников культуры, имеющих статус «мирового культурного наследия», до сих пор нет средневековых монастырей Косова поля, сопоставимых разве что с художественным наследием Рима и Флоренции... Вхождение Сербии в состав ЕС, несмотря на недавнюю выдачу гаагскому трибуналу генерала Ратко Младича, в силу нерешенности косовской проблемы остается абстрактной перспективой.

Тем самым, помимо уверенно реализуемой «заповеди» заставить платить за перебитые горшки сторону, проигравшую в жестокой гражданской войне, реализуется также почти неприкрытая поддержка «зеленого коридора», т. е. идет игра против «панславистского» сценария евроинтеграции. Думается, однако, стоит отличать само политическое объединение – ЕС – от других интеграционных потоков возможного объединения на просторах самой Европы, в число которых сегодня входят два крупных этнокультурных субстрата – славянство и тюрки, составляющие значительные диаспоры на территории Старого Света. Не стоит игнорировать и набирающие силу азиатский (Китай) и арабо-африканский (Египет и весь «Черный континент») факторы, к которым, однако, Евросоюз до сих пор испытывает чувство геополитической сдержанности.

Тюркский вариант (как наиболее продвинутый в экономическом смысле), похоже, более симпатичен и самим славянским народам (в частности, его

активно поддерживают сегодня официальные лица Болгарии, Македонии и Черногории). Идеологическими мотивами руководствуются правительства Боснии и Герцеговины (страны с преобладанием ислама – до 41 %). Впрочем, этнический состав здесь смешанный, испытывший сильное турецкое влияние. То же самое можно сказать о современной Албании (где, кстати, около 10 % населения, включая бывшего президента Альфреда Мойсю, составляют сегодня православные). Таким образом, «пантюркистский сценарий» стремительно «набирает очки» не без поддержки Евросоюза и славянских стран Балканского полуострова, активно используя положительные стороны религиозной деформации региона и осторожно обходя острые углы, с нею связанные.

Между тем в России в наши дни говорить о панславизме стало почти неприличным. Сознание обывателя прочно связывает данное течение мысли с националистическими течениями российской идеологии и социальной жизни XIX–XX вв., косвенным подтверждением чему выступает привлекательность вырванных из контекста идей панславизма для разного рода радикалов. Отечественные же радикалы – в случае, если они не просто демагоги, – как показывает опыт последних десятилетий, легко трансформируются в политических активистов андерграундного типа (примечательно название одного из запрещенных в Российской Федерации националистических движений «Славянский союз» [16]), готовых в изобилии проливать чужую кровь.

Однако идеи панславизма в свое время развивали далеко не пошлые люди – историк М. П. Погодин, русские философы Н. Я. Данилевский (в ставшей знаменитой книге «Россия и Европа» Данилевский сформулировал идею всеславянского союза, способного дать отпор «гниющей Европе», естественно, не заинтересованной в усилении России и готовой ради этого даже на союз с турками. При этом самой России ситуация стабильности «невыгодна», так как, согласно учению о культурно-исторических типах (как известно, один из первых вариантов теории, деконструирующей методологический евроцентризм), «организм» российской культуры набирает силу роста, – что по определению является «нестабильным» состоянием [5]), Вл. Соловьев (Вл. Соловьев высказывает определенные симпатии к славянофильству. Вместе с тем он критикует позицию Данилевского как «брюшной патриотизм», определяя ее в качестве не национального, а националистического проекта [17; 18]), К. Н. Леонтьев (так, Леонтьев пишет о единстве в византийском сценарии власти государственного чиновничества и «другого, несравненно более сильного средства общественной дисциплины» – власти Церкви. В свою очередь славянство спасает именно «церковное... чувство и покорность властям (византийская выправка)» – при слабости внутрисемейных (т. е. клановых) чувств и отношений в среде великороссов по сравнению с европейскими народами, турками и другими славянскими этносами (сербами, малороссами и т. д.) [11]) и др. Какой «порыв» заставлял этих авторов обосновывать мысль о необходимости славянского единства на «культурном» и «политическом» поприщах? Можно ли свести такой порыв к атавизму «национального чувства с националистическим уклоном», внезапно посетившего крупных мыслителей мирового масштаба? Еще Н. А. Бердяев некогда зло заметил, что на-

ционализм – это острая форма эгоцентризма, желание «присоединиться» к достижениям предков в силу одной-единственной «заслуги» – родиться представителем данной нации [1, с. 101; 3, с. 514–516, с. 552]. Следовательно, сам факт работы в интеллектуальном пространстве славянофильства крупных мыслителей позволяет предположить, что сводить потенциал панславизма к националистическим идеологическим проекциям некорректно.

Анализ текстов этих философов показывает: несомненная позитивная составляющая панславизма (или, если воспользоваться другой терминологией, славянофильства) состоит в стремлении обосновать независимость геополитической стратегии, базирующейся на цивилизационной модели макросоциального объединения славян по азимуту этнической составляющей. Эта составляющая, в свою очередь, выступает в качестве государственнообразующего «хребта» национального государства (именно национального, а не моноэтнического!). Плюс – специфика духовной и культурной ориентации славянского макроэтноса, представляющая собой сложный комплекс взаимно переплетающихся параметров: *верований* (в основном христианство в различных конфессиональных интерпретациях, дополненных «народной верой» [10, с. 398; 25, с. 88]), неких *психологических данностей* (так называемая «национальная ментальность», – т. е., проще говоря, особенности общественной психологии с этноуклоном (некоторые авторы упорно относят к этой категории «религиозные символы» и ценности, определяющие «устойчивые социально-психологические, нравственные и духовные особенности данного этноса» [20, с. 35]). Стоит, однако, подчеркнуть, что освоение религиозной семантики в народном сознании – тема отдельная и явно несводимая к «простому» конфессиональному противостоянию. Скорее, такое противостояние будет гарантировано, если понадобится «маркер» для распознавания «своих». Чем, к примеру, стал ислам в XIX в. для деятелей национально-освободительного движения на Балканах, народы которых 500 лет уживались с турками и даже частично «отуречились», приняв ислам, бытовой уклад и даже градостроительные принципы турок (окна во двор и т. п.). Центральное место в этом комплексе занимают идеи, определяющие установки макрогруппового поведения «на перспективу». «Пассионарность» подобных установок задает направление и «ритм» национального движения в историческом пространстве. При этом довольно сложный и противоречивый критерий «прогресса», по сути, выражает «восходящее» или «нисходящее» развитие мирового духа, «сказавшегося» в «национальной идее», скрепляющей данные объединения.

Так (или примерно так) обстоит дело в рассуждениях представителей исторического (как «культурного», так и «политического») панславизма, опирающегося (явно или неявно) на современное ему гегельянство. В настоящее время данный подход дополнен (например, в сочинениях А. С. Панарина) идеями К. Маркса, Л. Гумилёва, философами русских писателей и поэтов «золотого века» отечественной литературы – А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и др. Примечательный факт: сегодня неизмеримо возрос инте-

рес к произведениям перечисленных авторов не только со стороны отечественных литературоведов и культурологов (что еще можно как-то объяснить в рамках сугубо историчистского подхода), но и со стороны философов и политологов, занимающихся проблематикой национальной идентификации и стратегии национального развития. Видимо, определенная «романтизация» последнего периода существования Российской империи (погибшей, помимо прочего, и от нерешенных внутренних проблем и связанных с ними конфликтов), – данность наших дней, требующая своего осмысления.

Реалистический (а не поэтико-романтический) подход к указанной проблематике предполагает трезвую оценку действительных политических «выигрышей» страны от реализации конкретного геополитического сценария. В этой связи нелишним будет вспомнить, что в истории России период усиления позиций «политического» панславизма коррелировался со стремлением руководства страны осуществить идеологический форсаж с помощью «интенсификации» православной идеологии и национально-культурных доминант, – в противовес решению собственно социальных задач (или, по крайней мере, в дополнение к ним). Политические инновации на этом поприще (даже при отказе от радикальной националистической риторики) были связаны с громадными потерями (людей, ресурсов, политических «кредитов» и т. д.), – примером чему могут служить Балканские войны XIX в. [6, с. 58–77].

С другой стороны, излишне «мягкий» вариант «межславянской» политики не менее «дорого стоит» нашей стране [4, с. 7–17; 13, с. 211–222]: примером тому выступает постсоветское разложение восточнославянского единства (Беловежское соглашение 1991 г., как известно, закрепило разделение многовекового союза России, Украины и Белоруссии). Еще один примечательный факт: для российских международников сегодня вектор научного и культурного взаимодействия со славянскими странами редко выступает в качестве «приоритетного направления». Соответственно, и финансируется такое взаимодействие «по остаточному принципу» с обеих «славянских» сторон. Так, традиционно доброе отношение сербов к «науке из России» выливается в готовность продолжить научное сотрудничество в рамках действующих программ (включая выигранные зарубежные – западные или турецкие – гранты). Однако оплата проезда как российским, так и сербским участникам данных проектов возможна лишь в исключительных случаях (как правило, для представителей административных структур; либо – если мероприятие организуется на высшем правительственном или академическом уровне). Для сравнения, гости из стран ЕС и США имеют гарантированную оплату проезда для участия в научных конференциях такого рода (что, впрочем, понятно, – «за свои же деньги»). Вообще страны ЕС очень осторожно включаются в финансовую поддержку таких проектов, как «Культура мира» и т. п. Наиболее активный «спонсор» славянской науки, изучающий «национальный идентитет» (особенно на Балканах), – Стамбульский университет!

При резко отрицательном отношении ряда научных и политических групп внутри самих Балканских государств (например, в Сербии и Болгарии) к непосредственному участию Турции в деле балканского урегулирования

[12, с. 256–265], этот регион сегодня «обречен» на турецкое присутствие. Хотя бы – в силу крайней бедности большинства расположенных здесь стран, с которой готов работать турецкий капитал; а также в силу «великоалбанского» фактора, развернувшегося в конфликте на Косово и имеющем серьезные перспективы, например, в Македонии, где сегодня над отдельными поселениями городского и сельского типов (например, на окраине г. Тетово или в безымянной деревушке в горах по дороге к Охриду) развевается албанский государственный флаг. Иногда, правда, этот флаг соседствует с македонским; но никогда – с сербским (сербское население в Македонии по официальным данным составляет примерно 2 % населения страны).

Таким образом, культурное и научное сотрудничество в рамках международных турецких образовательных проектов [21, с. 82], построенное на принципе толерантности как уважения к религиозным чувствам представителей разных конфессий, – одно из наиболее активных на сегодняшний день направлений геополитического взаимодействия в указанном регионе.

В годы обострения военного противостояния в Македонии турки открыли в Скопье международную школу, где, в отличие от других македонских школ, имеет место совместное обучение детей – выходцев из разных национальных общин (образовательные треки в македонских школах предполагают раздельное обучение детей – выходцев из разных этнических общин. Это проявляется, в частности, в создании отдельных школ для албанцев, македонцев и сербов. Учебники по истории в разных треках ориентированы на разные этносы. Эти учебники излагают отличное понимание истории Балкан, предстающей всякий раз исключительно как «борьба за освобождение» того или иного народа [24, с. 20]. При всех подозрениях отдельных ученых и компетентных органов к «причастности» турецких спецслужб к работе подобных учреждений культуры и просвещения [12, с. 256–257], необходимо отдать дань высокому качеству просветительской работы в них. Впрочем, какая международная деятельность стерильна от присутствия спецслужб? В том-то, как говорится, и состоит игра, чтобы переиграть других на этом поле так, чтобы не пострадали интересы твоей страны. Если же удастся при этом сделать что-то действительно полезное в международном масштабе, – это уже успех не спецслужб, а культуры и геополитической стратегии. Дипломатия – все-таки средство достижения мира и понижения конфликтности [8, с. 215–240]. Особенно если дело касается предотвращения этнических «чисток», проводимых под религиозными вывесками.

Трудно удержаться от параллелей и не высказать предположение, что скрытыми мотивами для турецких (как и для российских) участников данных проектов выступают именно «имперские» сценарии (соответственно пантюркизма и панславизма), которые они стремятся предложить славянским государствам Балкан в качестве альтернативы «падения в бесконечность» при создании этнонациональных государств. Угроза жестоких этнических войн в процессе такого самоопределения – не фантом. Она уже перекроила (и продолжает кроить) карту Европы в зоне соприкосновения Европейской и Азиатской цивилизационных моделей (мнения участников недавней конферен-

ции в Македонии на этот счет разделились. Так, если одна часть ученых [22, с. 76] выдвигает мысль об особой интегративной роли религии в формировании новой идентичности на Балканах (что не противоречит известным печальным фактам), то другие полагают, что на Балканах реализуется другая (как по отношению к евроинтеграции, так и по отношению к интеграции «постурецки») объединительная модель, интегрирующая малые национальные государства по «старому» образцу именно национально-государственного устройства [23, с. 120] правильнее, однако, было бы назвать эти новые государства этнонациональными. Кстати, оба исследователя, мнения которых здесь приводятся, представляют научную школу Университета Св. Кирилла и Мефодия в Скопье). Причем сама трактовка данного региона как места соприкосновения цивилизаций (а не «цивилизационного разлома») позволяет придать потенциально конфликтным сценариям их развития вектор взаимодействия в режиме взаимодополнительности (а не в режиме столкновения).

Среди собственно турецких проектов, сознательно работающих над созданием подушки безопасности для культурно-наступательного движения Турции по периметру своих границ (включая Украину и Абхазию), необходимо выделить проекты, поддерживаемые Министерством образования Турции и министром Турции по делам тюркских народов, проживающих за рубежом. Они финансируются частным турецким капиталом без прямого участия США и стран ЕС.

Пример – создание сети упомянутых международных турецких школ, где образовательный процесс ведется на английском (для предметов логико-математического и естественнонаучного циклов) и на родном (для предметов социогуманитарного цикла) языках. В целом эти школы получили широкую международную поддержку, – в том числе и потому, что являются образцом действительно толерантного отношения членов коллектива друг к другу, открывая дорогу к образованию международного класса. В частности, для выходцев из беднейших слоев стран, часто разоренных внутренними конфликтами, экономически и политически ослабленных, аксиологически «усталых» (что проявляется не только в дроблении национальных церквей на множество конфликтующих «подведомств», но также в отказе населения от участия в религиозной жизни). Возможность получить образование в самой Турции, открытая как для этнических турок, так и для исламизированного славянского населения Балкан, – равно как и для всех заинтересованных сторон (только для них – «за деньги»), – очевидная перспектива укрепления добрососедских отношений, которые в ближайшем будущем несомненно окажутся способны влиять на всю мировую политику.

Понятно, что имидж Турции за рубежом при проведении политики толерантного «конфессионального нейтралитета» (уважаем чужие верования и требуем, чтобы уважали наши) только выигрывает. В то же время не лишено здравого смысла беспокойство в связи с возможными последствиями распространения данной системы образования, – особенно в тех регионах, где имеются компактные группы населения, этнический состав которого имеет «тюркский элемент». Стремление современного руководства Турецкой Рес-

публики поощрять вложение денег в геостратегическую перспективу своего государства, «беря уроки» у Османской империи («на ошибках» которой новые турецкие политики готовы учиться), вызывает уважение. Чего можно только пожелать нынешнему поколению российских ученых, находящихся негативные черты исключительно в организации советской империи [9], – как будто она не была изоморфна империи Российской по целому ряду своих параметров.

Ценностные конфликты – реальность наших дней, оказывающая деструктивное влияние на сознание людей и во многом способствующая разложению установившихся социальных связей. Положительные стороны активной инкультурации славянских народов в систему культуры «новой Европы» могут оказаться девальвированы за счет непродуманной политики в данном направлении. Вместе с тем «турецкий вариант» в развитии планов соединения политкорректности и традиционной морали жителей всего региона Slavia Orthodoxa видится возможной альтернативой подобному сценарию. Попытки позиционировать себя в качестве «духовных наследников» Византии в различных вариантах предпринимаются сегодня и в Турции, и в России. Однако если Россия откажется от самостоятельной политики в области образования и продолжит его развал в целях «экономии средств» госбюджета по наметившейся антинациональной линии социального движения, – пантюркизм останется в Европе без поддержки своего противовеса – панславизма. Своеобразный «поворот», позволяющий России выйти из сложившегося тупика, мог бы дать временный тактический союз с Турцией. Или, по крайней мере, готовность использовать ее опыт в области усиления позиций национальной экономики, политики и образования, своеобразно соотношенного с конфессиональной ориентацией участников этого процесса.

1. Бердяев Н. А. О современном национализме // Филос. науки. – 1991. – № 3.

2. Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России / Н. А. Бердяев. – М., 1997.

3. Бердяев Н. А. Судьба России // Бердяев Н. А. Соч. – М., 1998.

4. Валева Е. И. Постсоциалистическая Болгария: надежды и разочарования 21 века // Славянский мир в третьем тысячелетии. – М., 2011.

5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа [Электронный ресурс]. – URL: <http://monarhiya.narod.ru/DNY/dny-list.htm>

6. Данченко С. И. С. А. Никитин и его научная школа историков-славистов (к 110-летию со дня рождения) / С. И. Данченко, И. В. Чуркина // Славянский мир в третьем тысячелетии. – М., 2011.

7. Задорожнюк Э. Г. Современные геополитические трансформации: славянский мир как зачинатель ненасильств-

1. Berdyaev N. A. O sovremennom natsionalizme (About modern nationalism) // Filosofskiye nauki. – 1991. – N 3.

2. Berdyaev N. A. Russkaya idea. Sudba Rossii (The Russian idea. Destiny of Russia) / N. A. Berdyaev. – M., 1997.

3. Berdyaev N. A. Sudba Rossii (Destiny of Russia) // Berdyaev N. A. Works. – M., 1998.

4. Valeva E. I. Post-socialist Bulgaria: hopes and disappointments of the 21st century / Slavyanskiy mir v tretiem tysyachelietii. – M., 2011.

5. Danilevskiy N. Y. Russia and Europe [On-line resource]. – URL: <http://monarhiya.narod.ru/DNY/dny-list.htm>

6. Danchecko S. I. S. A. Nikitin and his scisnce school of Slavic history (to the 110-th anniversary) / S. I. Danchecko, I. V. Churkina // Slavyanskiy mir v tretiem tysyachelietii. – M., 2011.

венных революций и их нарративов // Славянский мир в третьем тысячелетии. – М., 2011.

8. *Зонова Т. В.* Конфликты и консенсус. Дипломатия как средство достижения мира // Культура толерантности и опыт дипломатии / под ред. И. Г. Тюлина. – М., 2004.

9. История России. XX век / под ред. А. Б. Зубова. – М., 2009.

10. *Катарина Женохова.* Народная вера и магия в традиционных жанрах словацкой народной прозы / Ин-т славистики им. Яна Станислава САН, Братислава // Славянский мир в третьем тысячелетии. – М., 2011.

11. *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство [Электронный ресурс]. – URL: <http://knleontiev.narod.ru/texts/vizantizm.htm>

12. *Неделчева Т.* Этнический конфликт в Болгарии и трансформации национальной идентичности // Социальные конфликты в контексте процессов глобализации и регионализации. – М., 2005.

13. *Пивоваренко А. А.* Нарастание кризиса в деятельности миротворцев ООН в Боснии и Герцеговине (середина 1992–1993 г.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. – М., 2011.

14. *Пинюгина Е. В.* Интеграция мусульман в современное европейское государство (на примере Великобритании и ФРГ) : дис. ... канд. политол. наук / Е. В. Пинюгина. – М., 2003.

15. *Пинюгина Е. В.* Мусульманское меньшинство как вызов современному европейскому государству (обзор актуальных исследований) // Полит. наука. – 2010. – № 1.

16. Русский вопрос ребром // Независимая газ. – 2011. – 3 июня.

17. *Соловьев В. Л.* Национальный вопрос в России / В. Л. Соловьев. – СПб., 1888.

18. *Сергей Честных.* Как все начиналось [Электронный ресурс]. – URL: http://panslavist.ru/2011/04/history_panslavizm/

19. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ucheba.ru/vuz-article/7209.html>

20. Этнорелигиозный терроризм / под ред. Ю. М. Антоныяна. – М., 2006. – С. 35.

7. *Zadorozhnyuk E. G.* Modern geopolitical transformations: Slavic world as a beginner of nonviolent revolutions and their narratives // Slavyanskiy mir v tretiem tysyacheletii. – М., 2011.

8. *Zonova T. V.* Conflicts and consensus. Diplomacy as means to achieve peace // Kultura tolerantnosti i opyt diplomatii / ed. I. G. Tyulina. – М., 2004.

9. Russian History. XX century / ed. A. B. Zubov. – М., 2009.

10. *Katarina Zhenyukhova.* People's belief and magic in traditional genres of the Slovak people's prose / The Institute for Slavic studies of Jan Stanislav of Slovak Academy of Sciences, Bratislava // Slavyanskiy mir v tretiem tysyacheletii. – М., 2011.

11. *Leontyev K. N.* Byzantium and the Slavic [On-line resource]. – URL: <http://knleontiev.narod.ru/texts/vizantizm.htm>

12. *Nedelcheva T.* Ethnical conflict in Bulgaria and the transformations of the national identity // Sotsialniye konflikty v kontexte processov globalizatsii i regionalizatsii. – М., 2005.

13. *Pivovarenko A. A.* Crisis growth in the UNO peacemakers' activity in Bosnia and Herzegovina (in the middle of 1992–1993 г.) // Slavyanskiy mir v tretiem tysyacheletii. – М., 2011.

14. *Pinyugina E. V.* Muslim integration in a modern European State (by the example of GB and the FRG). Thesis... / E. V. Pinyugina. – М., 2003.

15. *Pinyugina E. V.* Muslim minority as a challenge to a modern European state (contemporary researches survey) // Politicheskaya nauka. – 2010. – N 1.

16. Russkiy vopros rebrom (the Russian question point-blank) // NG. – 2011. – 3 June.

17. *Soloviev V. L.* The national question in Russia. – СПб., 1888.

18. *Serguey Chestnykh.* Kak vse nachinalos' [On-line resource]. – URL: http://panslavist.ru/2011/04/history_panslavizm/

19. [On-line resource] URL: <http://www.ucheba.ru/vuz-article/7209.html>

20. Ethnoreligious terrorism / ed. Y. M. Antonyan. – М., 2006. – P. 35.

21. *Deniz Ekinçi*. The Possibility of a new Higher Education for Balcan Societies: Open and Distance Education with Geography Sample / International Balcan Annual Conference / Macedonia. – Skopje, 2011.

22. *Ganca Cvetanova*. Religion and National Identity Formation in the Balcans / International Balcan Annual Conference / Macedonia. Skopje, 2011.

23. *Peter Atanasov*. Multiculturalism between cultural Pluralism and Political Unity – the Balcan Case / International Balcan Annual Conference / Macedonia. – Skopje, 2011.

24. *Violeta Besca*. The Balcan Concept and Macedonia in the History Textbooks / International Balcan Annual Conference / Macedonia. – Skopje, 2011.

25. *Ljupco S. Risteski*. Phenomenology of Folk Religion. Examples of Macedonia Folk Tradition / International Balcan Annual Conference / Macedonia. – Skopje, 2011.

21. *Deniz Ekinçi*. The Possibility of a new Higher Education for Balcan Societies: Open and Distance Education with Geography Sample / International Balcan Annual Conference / Macedonia. – Skopje, 2011.

22. *Ganca Cvetanova*. Religion and National Identity Formation in the Balcans / International Balcan Annual Conference / Macedonia. – Skopje, 2011.

23. *Peter Atanasov*. Multiculturalism between cultural Pluralism and Political Unity – the Balcan Case / International Balcan Annual Conference / Macedonia. – Skopje, 2011.

24. *Violeta Besca*. The Balcan Concept and Macedonia in the History Textbooks / International Balcan Annual Conference / Macedonia. – Skopje, 2011.

25. *Ljupco S. Risteski*. Phenomenology of Folk Religion. Examples of Macedonia Folk Tradition / International Balcan Annual Conference / Macedonia. – Skopje, 2011.

Pan-Slavism and Pan-Turkism in the Light of European Integration

M. B. Silantieva

Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow

This article deals with the current geopolitical situation in the Eurasian region throughout the cultural and educational policies of the two leading actors – Russia and Turkey. The tendency towards educational environment clericalisation in these countries is considered as an alternative to culture secularization in Western Europe, framed to resist disintegration of traditional moral values.

Key words: Pan-Slavism, Pan-Turkism, European integration, religious component of education, values, intercultural communication, Slavdom, culture and geopolitics.

Силантјева Маргарита Вениаминовна – доктор философских наук, профессор кафедры философии МГИМО (Университет), 119454, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76, тел. 8(495)434-94-30, e-mail: silvari@mail.ru

Silantieva Margarita Veniaminovna – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, the Moscow State Institute of International Relations (University), 119454, Moscow, Vernadskiy avenue, 76, phone 8(495)434-94-30, e-mail: silvari@mail.ru